

DOI 10.35775/PSI.2026.126.2.036

УДК 32.327

В.А. СМЕРТИН

аспирант, Российский государственный
гуманитарный университет,
Россия, г. Москва
E-mail: smertin.vova@yandex.ru

ВЛИЯНИЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЫ РОССИИ НА ДИНАМИКУ РЕГИОНАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ В ПЕРИОД 1992-1999 ГГ.

В статье рассматривается трансформация механизмов прекращения вооруженных конфликтов в постбиполярный период через призму многосторонней дипломатии и практик миротворчества, сопоставляя универсальные инструменты Совета Безопасности ООН с региональными форматами и их коалиционными производными. Показано, что дефицит консенсуса и институциональные ограничения глобальной легитимации принудительных мер способствуют децентрализации переговоров, расширению контактных групп и возрастанию роли региональных организаций, обладающих операционными преимуществами, но зависимых от ресурсной поддержки и спорных процедур санкционирования силовых действий. На материале постсоветских конфликтов 1992-1999 гг. прослеживается эволюция российской внешнеполитической доктрины от «атлантистских» ожиданий к прагматическому реализму и многополярной логике, а также институционализация вмешательства через СНГ, двусторонние соглашения и смешанные контрольные комиссии. Анализ различий кейсов Приднестровья, Кавказа, Центральной Азии и Карабаха выявляет сочетание силовых и дипломатических инструментов, рост правовых дилемм суверенитета и нейтралитета, а также устойчивость «замораживания» конфликтов как способа купирования насилия и закрепления режимов безопасности при конкуренции площадок урегулирования.

Ключевые слова: многосторонняя дипломатия, Совет Безопасности ООН, региональные организации безопасности, миротворческие операции, принуждение к миру.

Введение. Трансформация геополитического пространства, последовавшая за дезинтеграцией Советского Союза, породила уникальную историческую ситуацию, в которой Российская Федерация оказалась перед необходимостью экстренного формирования собственной внешнеполитической идентичности в условиях каскадного роста конфликтогенности по периметру своих новых границ. Период с 1992 по 1999 годы характеризуется сложнейшим переплетением внутривосточной борьбы, поиска места в глобальной архитектуре

безопасности и попыток выработать механизмы реагирования на вооруженные противостояния в так называемом «ближнем зарубежье». Исследовательский интерес к данному временному отрезку обусловлен тем, что именно тогда были заложены фундаментальные принципы, определяющие российскую стратегию на постсоветском пространстве на десятилетия вперед, причем этот процесс происходил не линейно, а через преодоление концептуальных противоречий между различными ведомствами и элитными группами [14. С. 15].

В начале девяностых годов новая российская дипломатия столкнулась с дилеммой, которую можно охарактеризовать как выбор между интеграцией в сообщество западных демократий и сохранением статуса великой державы с особой зоной ответственности в Евразии. Доминировавшая на начальном этапе концепция «атлантизма», предполагала, что отказ от идеологического противостояния автоматически обеспечит России благоприятное внешнее окружение [4. С. 2]. Однако реальность опровергла эти ожидания: вакуум силы, образовавшийся после ухода союзного центра, начал стремительно заполняться этнополитическими конфликтами, угрожавшими перекинуться непосредственно на территорию России. В научной литературе этот феномен часто описывается через призму кризиса легитимности постсоветских границ и отсутствия действенных наднациональных институтов регулирования споров.

Ключевой проблемой, с которой столкнулась Москва, стала необходимость защиты русскоязычного населения и стратегических инфраструктурных объектов в зонах конфликтов (Приднестровье, Абхазия, Таджикистан). Эволюция доктринальных установок от декларативного отказа от вмешательства к провозглашению постсоветского пространства зоной жизненных интересов России происходила под давлением обстоятельств, когда военные ведомства зачастую действовали автономно от дипломатов, создавая *fait accompli*, который затем приходилось легитимизировать на международном уровне [3. С. 113].

Вторая половина рассматриваемого периода, связанная с именем Е. Примакова, ознаменовала собой концептуальный поворот к многополярности и прагматизму. В этот временной отрезок происходит институционализация российского присутствия в конфликтных регионах через механизмы СНГ и двусторонние соглашения. Изменение внешнеполитической риторики коррелировало с осознанием того факта, что устранение России из процессов урегулирования не ведет к миру, а лишь способствует интернационализации конфликтов с участием третьих стран, чьи интересы могли противоречить российской безопасности. Важно понимать, что динамика региональных конфликтов в 1990-е годы не была изолированным процессом, а выступала катализатором изменений в самой структуре российской государственности, влияя на формирование внешних приоритетов.

Глубокий анализ указанных процессов требует отказа от упрощенных схем. Речь идет о сложной системе взаимодействий, где идеологические установки раннего российского либерализма сталкивались с жесткой реальностью межэтнических войн, требующих немедленных и часто силовых решений.

Исследование того, как доктринальные документы (например, Концепция внешней политики 1993 года) соотносились с реальными действиями миротворческих контингентов, позволяет выявить скрытые механизмы принятия решений, определявших исход противостояний в Душанбе, Сухуми или Тирасполе.

Материалы и методы исследования. Методологическая конструкция исследования базируется на принципах историзма и научной объективности, предполагающих рассмотрение событий в их развитии и взаимосвязи с конкретно-историческими условиями. Центральное место занимает системный подход, позволяющий анализировать внешнюю политику России как комплексный механизм, на функционирование которого влияют как внутренние, так и внешние переменные.

Следует подчеркнуть, что в работах российских и зарубежных авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов близких к данной предметной области [8; 9; 10; 11; 12; 13; 16; 17; 19; 20].

Однако проблему формирования после распада СССР собственной внешнеполитической идентичности Российской Федерации в условиях роста конфликтности по периметру своих новых границ и попыток урегулирования постсоветских конфликтов нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

Результаты и обсуждение. Формирование подходов России к региональным конфликтам в начале 1990-х годов происходило в условиях концептуального вакуума, когда старые советские идеологемы были отброшены, а новые национальные интересы еще не были четко сформулированы. В период 1992-1993 годов наблюдалась очевидная рассогласованность действий между Министерством иностранных дел, ориентированным на западных партнеров, и силовыми структурами, сохранявшими тесные связи с бывшими советскими военными округами на периферии.

Качественный сдвиг в доктринальном осмыслении роли России произошел с принятием Концепции внешней политики (1993 г.) и основных положений Военной доктрины (1993 г.). В этих документах впервые на официальном уровне было зафиксировано положение о том, что локальные войны и вооруженные конфликты в непосредственной близости от границ РФ представляют главную угрозу национальной безопасности. В тот период началась активная фаза формирования собственной миротворческой архитектуры в рамках СНГ, которая стала действенным инструментом урегулирования горячих фаз конфликтов в Абхазии, Грузии и Таджикистане [15. С. 86].

Особый интерес представляет эволюция подходов к таджикскому урегулированию, где Россия продемонстрировала способность к комплексному применению силы и дипломатии. Если на начальном этапе (1992-1993 гг.) доминировала силовая поддержка Народного фронта для предотвращения прихода к власти исламистских сил и сохранения светского характера государства, то к середине 90-х годов, особенно с приходом Е. Примакова в МИД, акцент сместился

на сложный переговорный процесс. Москва, выступая гарантом межаджикского диалога, сумела конвертировать свое военное присутствие (201-я дивизия) в политический капитал, добившись подписания мирных соглашений в 1997 году. Этот кейс наглядно демонстрирует, как доктринальная установка на предотвращение распространения экстремизма и наркотрафика трансформировалась в успешную миротворческую операцию, ставшую редким примером полного завершения гражданской войны на постсоветском пространстве [18. С. 16] в рассматриваемый период.

В то же время, политика на кавказском направлении характеризовалась большей противоречивостью и зависимостью от конъюнктурных факторов. В случае с грузино-абхазским конфликтом действия российских миротворцев на реке Ингури, с одной стороны, предотвращали возобновление масштабного кровопролития, а с другой – консервировали ситуацию, не позволяя Тбилиси восстановить контроль силовым путем [1. С. 108].

Сравнительный анализ показывает существенные различия в механизмах реализации внешнеполитической доктрины в зависимости от региона. В Центральной Азии Россия выступала как безальтернативный субъект безопасности, чье присутствие приветствовалось местными элитами как гарантия от афганского сценария. В европейской части (Приднестровье) и на Кавказе российское посредничество сталкивалось с более сложной геополитической игрой, включающей интересы других стран, в том числе и Запада [7. С. 134].

Период 1996-1999 годов, ассоциируемый с «Доктриной Примакова», характеризуется усилением интеграционной риторики [5. С. 25] и попытками институционализировать влияние через структуры СНГ. В этот период происходит переосмысление понятия суверенитета в контексте постсоветских реалий. Смешанные контрольные комиссии, созданные в зонах конфликтов, стали уникальным дипломатическим изобретением того времени, позволявшим поддерживать диалог между конфликтующими сторонами при непосредственном арбитраже российских представителей [5. С. 27].

К концу 1990-х годов, на фоне кризиса отношений с Западом из-за расширения НАТО и бомбардировок Югославии, внешнеполитическая доктрина России претерпела окончательную кристаллизацию [2. С. 162] в сторону «осведомленного реализма».

Таким образом, российская политика не была статичной проекцией амбиций, а представляла собой сложную эволюцию от реактивного реагирования на кризисы к проактивному формированию пояса безопасности. Ключевым итогом рассматриваемого десятилетия является то, что масштабное насилие было купировано.

Выводы. Завершение 1990-х годов подвело черту под этапом стихийного формирования российской государственности и ее внешнеполитического курса. В правовом поле это выразилось в переходе от декларативных документов начала десятилетия к более прагматичным и жестким доктринам, четко очерчивающим сферу национальных интересов. Юридическая база, созданная в этот

период для легитимации миротворческих операций стала основой для поддержания хрупкого мира на огромных территориях Евразии. Были выработаны механизмы, позволяющие сочетать принципы суверенитета новых государств с реалиями этнического расселения и историческими связями, что создало прецеденты особого правового режима в зонах замороженных конфликтов.

Опыт 1992-1999 годов показал, что исключение России из процессов урегулирования на постсоветском пространстве невозможно в силу объективных исторических, географических и социокультурных причин [6. С. 2].

Стратегическая переориентация с западного вектора на многовекторность, закреплённая усилиями дипломатии второй половины 90-х, позволила России сохранить субъектность в международных делах. Несмотря на экономические трудности и военно-политические неудачи того времени, удалось предотвратить «балканизацию» постсоветского пространства и хаотичный распад государственности в ряде стран СНГ. Наследие этого сложного периода заключается в осознании того факта, что стабильность в регионе не может быть импортирована извне, а требует кропотливой работы по согласованию интересов всех региональных игроков при координирующей роли России.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Большаков А.Г., Зазнаев О.И.** Эффективность миротворческой деятельности России на постсоветском пространстве: опыт и перспективы ОДКБ // ВЭПС. 2011. № 3.
2. **Братерский М.В.** Россия и миротворческие операции: концептуальные и практические составляющие российской политики // Вестник международных организаций. 2018. Т. 13. № 1.
3. **Девятков А.В.** Приднестровский вопрос в политической практике России и Запада // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2010. № 3 (79).
4. **Дергачев А.Ю.** Российская Федерация и урегулирование конфликтов на постсоветском пространстве (Эволюция концептуальных основ и миротворческой практики) // Россия в войнах и военных конфликтах XX – начала XXI века. Сибирский государственный университет путей сообщения г. Новосибирск.
5. **Ковальчук А.** Эволюция российских подходов к многостороннему взаимодействию на постсоветском пространстве (1991-2012 гг.) // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 1 (34).
6. **Маркедонов С.М.** Россия в процессе нагорно-карабахского урегулирования // 30-летие конфликта в Нагорном Карабахе. М.: РУДН, 2019.
7. **Маркедонов С.М.** Тридцать лет нагорно-карабахского конфликта: основные этапы и перспективы урегулирования // Постсоветские исследования. 2018. № 2.

8. **Медведев Н.П.** Национальное самоопределение или «этнические чистки»? М., 1994.
9. **Медведев Н.П.** К 100-летию образования Союза ССР. Постсоветское национал-строительство и региональные этноконфликты // Региональное и муниципальное управление: вопросы политики, экономики и права. 2022. № 2.
10. **Медведев Н.П.** Мои рабочие встречи с Б.Н. Ельциным. Штрихи к портрету. СССР, проект нового Союзного договора и «парад суверенитетов». Часть третья // Вопросы политологии. 2025. № 12.
11. **Погорельский Д.М.** Государственная политика противодействия этнополитическому экстремизму: основные принципы и направления реализации // Вопросы политологии. 2024. № 8.
12. **Привалов В.А.** Нагорно-Карабахский конфликт: этнополитические аспекты, исторические корни и роль посредничества России // Вопросы политологии. 2025. № 3.
13. **Пряхин В.Ф.** Демократия реальная и мнимая в идеологической борьбе за мультиполярную систему международных отношений // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2025. № 9.
14. Региональные конфликты на постсоветском пространстве и роль России в их урегулировании / С.М. Иванов, В.П. Журавель // Право и безопасность. 2009. № 4.
15. **Салимов П.** Подходы России к урегулированию конфликтов на постсоветском пространстве // Государственная служба. 2015. № 3 (95).
16. **Слизовский Д.Е.** Президент Азербайджанской Республики Ильхам Алиев: внушивший доверие? (Рецензия на статью Улькер Мастафа кызы Мехдиевой «Имидж политического лидера в контексте истории (на примере Президента Азербайджанской Республики Ильхама Алиева)» // Вопросы политологии. 2021. № 3.
17. **Титов В.В.** Эволюция государственной политики идентичности в России в 1990-х – начале 2020-х гг. // Вопросы политологии. 2024. № 4.
18. **Тошмухаммадов М.** Гражданская война в Таджикистане и постконфликтное восстановление. Саппоро: Центр славянских исследований Университета Хоккайдо, 2004.
19. **Тушков А.А., Ачкасов Н.Б., Сомова И.Ю., Аляева Л.А.** «Пояс политической нестабильности» Центральной Азии // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2024. № 11.
20. **Чаевич А.В.** Постсоветское пространство в современных внешнеполитических приоритетах России // Вопросы политологии. 2025. № 10.

V.A. SMERTIN

Russian State University
for the Humanities,
Moscow, Russia

THE INFLUENCE OF RUSSIA'S FOREIGN POLICY DOCTRINE ON THE DYNAMICS OF REGIONAL CONFLICTS IN THE POST-SOVIET SPACE IN THE PERIOD 1992-1999

The article examines the transformation of mechanisms for resolving armed conflicts in the post-cold War era through the prism of multilateral diplomacy and peacekeeping practices, while comparing the universal instruments of the UN Security Council with regional formats and their coalition derivatives. It is shown that the lack of consensus and institutional constraints on the global legitimization of coercive measures contributed to the decentralization of negotiations, the expansion of contact groups, and the growing importance of regional organizations, structures with operational advantages but remaining dependent on resource support and controversial procedures for authorizing the use of force. Using the example of the post-Soviet conflicts of 1992-1999, the study traces the evolution of Russian foreign policy doctrine from «Atlanticist» expectations to pragmatic realism and multipolar logic, as well as the institutionalization of intervention through the CIS, bilateral agreements and mixed control commissions. An analysis of various cases in Transnistria, the Caucasus, Central Asia, and Karabakh reveals a synthesis of power and diplomatic tools, the growth of legal dilemmas related to sovereignty and neutrality, and the resilience of «frozen conflicts» as a way to curb violence and consolidate security regimes in competition between various negotiating platforms.

Key words: multilateral diplomacy, UN Security Council, regional security organizations, peacekeeping operations, peace enforcement.